

Ему следовало последовать примеру Юань Юя и тоже отпроситься с этого собрания.

Гуань Ичжоу запоздало терзался раскаянием.

Молодёжный совет городка обычно устраивал встречи раз в две недели. На самом деле это были просто посиделки ещё не обременённых семьями парней и девушек. По вечерам, в невзрачном деревянном домике на берегу, они обсуждали общественную жизнь острова и отчитывались о проделанной работе: подготовке к праздникам, визитах к одиноким старикам или ремонте домов по поручению сельсовета.

Эту организацию когда-то основал директор средней школы Синьчжи. Он задумал её как своего рода клуб, где молодёжь старше шестнадцати лет могла бы приобщаться к общественной деятельности и учиться ответственности.

В совет входили и юноши, и девушки, но из-за строгих местных правил приличия они заседали в разных комнатах. В конце председатели — парень и девушка — сверяли планы и координировали действия.

Масштабы были скромными, а пост председателя занимали по очереди. В этом месяце жребий пал на Гуань Ичжоу и Шэнь Сюэ.

Стены хижины были тонкими, и до парней долетал звонкий голос девушки. В её тоне слышалось возбуждение, смешанное с девичьей робостью: она рассказывала подругам, что днём встретила возлюбленного Юань Чжоу...

В отличие от оживления на женской половине, в комнате парней воцарилась гробовая тишина. Лица присутствующих окаменели.

«Возлюбленный?»

«Как Шэнь Сюэ могла так легко и естественно произнести вслух слова об этих постыдных отношениях?»

Председатель так сильно сжал тетрадь с протоколом, что бумага пошла складками.

— Эй, Ичжоу, — один из парней неловко пихнул его локтем, — вы ведь сегодня в школе тоже видели этого... ну, того самого?

— И как он? — из угла высунулся любопытный нос. — Красивый?

Казалось, никто из них даже не осознавал, насколько странно выглядит толпа мужчин, наперебой расспрашивающих о чужом «дружке».

Приятель Гуань Ичжоу, чья кожа потемнела от морской соли и ветра, энергично закивал. На смуглом лице его глаза сияли необычайно ярко:

— Красивый! Да что там, дело даже не в красоте... Кожа у него белая-белая, губы крошечные, но такие алые. А когда он проходит мимо — пахнет так сладко...

— Ну что ты за описание выдал? Сочинение для начальной школы? Неудивительно, что у тебя по литературе вечно двойки были.

— Судя по твоим словам, это не парень, а лиса-оборотень из старых сказок.

— Ах так? Зачем тогда спрашиваете? Я правду говорю, не верите — спросите А-Чуня!

— А где А-Чунь?

Тут только все заметили, что одного человека не хватает.

— Ага, вот ты где спрятался! — воскликнул кто-то, обнаружив товарища в углу. — Что это за книжонку ты там разглядываешь?

Толпа мгновенно окружила присевшего на корточки юношу. А-Чунь попытался было спрятать журнал, но его бесцеремонно вырвали и развернули перед всеми.

Пёстрая обложка, первые страницы в картинках с целующимися парочками, а дальше — мужчины с мужчинами в позах до того откровенных и нелепых, что смотреть было тошно.

— Фу-у! Какая гадость! А-Чунь, ты зачем это смотришь? Ты что, из этих?

А-Чунь вспыхнул до корней волос и начал яростно оправдываться:

— Мне просто любопытно стало, как это Юань Чжоу мог с мужиком любовь крутить! Попросил брата, чтоб он из города какой-нибудь справочный материал привёз! Не нравятся мне мужики! Как представлю, что с парнем целоваться надо — сразу вырвать тянет!

— Вот-вот! — поддакнул кто-то. — Что там в этих парнях целовать-то?

— Уму непостижимо.

Спустя минуту А-Чунь добавил вполголоса:

— В журнале этом все уроды какие-то, неинтересно. А вот возлюбленный Юань Чжоу и впрямь будто с неба сошёл. Губки такие красненькие...

— Слушайте, — вдруг подал голос кто-то из толпы, — раз они с Юань Чжоу любовь крутили, они что... тоже целовались?

...

У этих парней не было ни капли опыта в делах сердечных, а кожа была тонкой. На лицах проступил подозрительный румянец. И только пара-тройка тех, кто в глаза не видел заезжего гостя, недоумённо хлопали ресницами, не понимая, куда это свернул разговор.

Гуань Ичжоу с мрачным видом поднялся и рывком выхватил журнал.

— За работу! Хватит обсуждать всякую чушь!

— О чём ты меня сейчас спросил? — слышался тихий, нежный голос. Шуй Цюэ не мог говорить громко, боясь, что шум дождя заглушит его слова, поэтому он придвинулся к Гуань Ичжоу почти вплотную.

К запаху мокрого асфальта внезапно примешался сладкий, манящий аромат.

В одном тот парень не соврал. Шуй Цюэ действительно... благоухал.

Он чуть приподнял лицо, шепча прямо в ухо спутнику. Губы его то смыкались, то размыкались: полная нижняя, изящная верхняя и крошечная, едва заметная жемчужинка в самом центре — она казалась ярче остальной кожи, словно подкрашенная помадой.

«Наверное... должно быть, его очень приятно целовать»

Осознав, о чём думает, Гуань Ичжоу резко отвернулся. Пытаясь скрыть смущение, он повысил голос:

— Я спросил, ты правда не пользуешься духами?

— А-а?.. Нет, конечно, — Шуй Цюэ с подозрением принялся к собственному плечу.

«Парфюм обычно слишком резкий, — засомневался юноша, — неужели от меня как-то странно пахнет?»

Сзади донеслось приветливое приветствие:

— Ой, это Шуй Цюэ и Ичжоу? Заходите скорее! Сейчас дождь косой пойдёт — мигом вымокнете!

Это была Шэнь Сюэ.

Стоило Гуань Ичжоу вспомнить, как вчера именно из-за неё весь совет обсуждал только Шуй Цюэ, у него начинала болеть голова.

— Пойдём, — юноша почувствовал, что его спутник замер истуканом, и потянул его за рукав. — Нас так гостеприимно зовут, пойдём переждём ливень.

На его голове всё ещё красовалась школьная куртка. Гуань Ичжоу купил её в десятом классе, и так как он тогда стремительно рос, то специально заказал размер побольше. На Шуй Цюэ она висела как огромное банное полотенце.

— Ладно, — буркнул Гуань Ичжоу.

Они отодвинули пожелтевшую пластиковую занавеску. Внутри было куда теплее и уютнее, чем снаружи.

Шэнь Сюэ сбегала на второй этаж и вынесла две чашки горячего чая.

— Праздник скоро, сегодня суббота. Тебе разве не полагается быть в святилище и тренироваться с Шэнь Цзяхэном? — удивилась девушка. — Чего ты в посёлке забыл?

Шэнь Цзяхэн был лучшим другом Гуань Ичжоу и двоюродным братом Шэнь Сюэ.

Вопрос предназначался не ему, поэтому Шуй Цюэ сосредоточенно дул на чай, отпивая маленькими, осторожными глотками. Словно котенок — боялся обжечься.

Рыбаки привыкли к суровым условиям: в море они могли и не заметить, что рис не доварен, а горячий чай, если он не кипел только что, проглатывали не моргнув глазом.

Он осушил чашку одним махом, вместе с заваркой на дне — при таком способе питья вкус чая почувствовать было невозможно.

— Юань Юй отпросился, у него нет времени на репетиции. Сказал, что в ближайшие дни не придёт. Мы пока не нашли ему замену, так что тренировка не заладилась. Решили прерваться.

— А-а, понятно, — кивнула Шэнь Сюэ. — Он ведь сейчас на шхуне твоего двоюродного дяди помогает?

На этом острове все были друг другу родственниками: копни чуть глубже — и обязательно найдёшь какую-нибудь седьмую воду на киселе.

Гуань Ичжоу покосился на Шуй Цюэ и, не желая обсуждать лишнее при нём, коротко подтвердил:

— Да.

Юань Чжоу погиб, но его судно, подхваченное штормовым приливом, вернулось к берегам острова Цянь янь. Корабль нашли, но по старым суевериям выходить на нём в море больше было нельзя. Лодки, на которых работали островитяне, были общим имуществом рыболовецкого кооператива — их сдавали в аренду каждой семье, а в качестве платы жильцы отдавали определённое количество рыбы в месяц.

Тот злополучный катер теперь забрали на переработку. Юань Юй был слишком молод и ещё не окончил учёбу, поэтому в одиночку выходить в море ему не разрешали. Кооператив никогда бы не одобрил его заявку на собственную лодку. Но семье нужны были деньги, поэтому парню оставалось только наниматься на чужие суда к родственникам за подённую плату.

Сняв рабочую одежду рыбака, резиновые перчатки и тяжёлые сапоги, юноша зашагал по пляжу. В руке он нёс связку ставриды, перетянутую пеньковой верёвкой, а на песке за ним тянулась цепочка глубоких следов от шлёпанцев.

Он помнил, что обещал Шуй Цюэ приготовить на ужин пряную морскую утку. Своей птицы у них не было, но на рынке в посёлке её всегда можно было найти.

Утренний базар давно закончился, и к вечеру большинство прилавков уже опустело.

— Дядя Ли, вот эту, — парень указал на уже ошипанную и выпотрошенную тушку. — Половину.

— Хорошо, хорошо, — торговец ловко швырнул утку на массивную разделочную доску. Дерево, испещрённое следами от ножа, было толщиной в два мужских кулака. Парой точных ударов тушка была разрублена пополам. — Порубить на кусочки?

— Не нужно, — покачал головой юноша.

Торговец положил мясо на весы, двигая гирьку.

— Два цзиня и три лян. Смотри сам — выходит десять юаней и три мао. С тебя ровно десятка.

— Хорошо, — он достал из кармана смятые купюры, бережно расправил их и протянул старику.

Торговец упаковал утку в белый пакет:

— Заходи ещё.

— Да, удачной торговли.

Старик уже начал запихивать деньги в поясную сумку, как вдруг что-то вспомнил:

— Послушай, Юань Юй, ты уж не обижайся на старика, но ваш этот...

Он подозвал парня обратно. Из-за этой вынужденной светской беседы юноша теперь был вынужден торопиться.

Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом. Если он опоздает, во дворе станет совсем темно, а Шуй Цюэ боится мыться в темноте.

Весь вечер Юань Юй был необычайно молчалив. Он и так не отличался многословностью, обычно отвечая, только когда Шуй Цюэ заговаривал с ним первым. Но сегодня тишина казалась какой-то особенно тяжёлой.

Слепец был чуток к переменам настроения. Он видел, что парень чем-то расстроен, но не знал причины. Впрочем, перед ним уже стояло блюдо с ароматной уткой, и юноша легко подцепил кусочек палочками, протягивая его через стол.

Послышался тихий звук скольжения чашки по дереву.

Рука Шуй Цюэ опустилась, и мясо точно приземлилось в подставленную чашку Юань Юя.

— Спасибо, — негромко отозвался тот.

Шуй Цюэ облизал губы, на которых остался едва заметный маслянистый блеск, и улыбнулся:

— Ты сегодня очень устал, Юань Юй.

Младший брат Юань Чжоу покачал головой и, полуприкрыв глаза, уставился в свою чашку. Он не стал рассказывать, какую рыбу поймали сегодня.

Юноша растерянно моргнул:

— Ты сегодня чем-то расстроен?

— Ты... — парень поднял взгляд. — Ты ведь вернёшься? В Киото.

Лампочка в гостиной была не самой мощной, но благодаря тому, что в доме часто убирались и на плафоне не было паутины, света хватало. Глаза Шуй Цюэ напоминали стеклянные шарики чайного цвета — из-за слепоты его взгляд был пустым, лишённым точки опоры.

— Нет, — он нервно прикусил кончик палочки. — С чего ты это взял?

Согласно легенде его персонажа, он вырос в столичном приюте, учился в спецшколе по системе Брайля. По счастливой случайности на некоторых непопулярных специальностях в Государственном морском университете были квоты для слепых студентов. Став совершеннолетним и поступив в вуз, он съехал из приюта. Юноша и сам не до конца понимал своего героя: проучиться всего год и укатить вслед за старшекурсником на далёкий остров Цянь янь, фактически связав с ним жизнь без всяких гарантий...

Это напоминало персонажей слезливых сериалов — тех самых влюблённых дурачков, которые в порыве страсти совершают нелепые поступки на радость хейтерам.

Услышав отрицание, Юань Юй заметно приободрился. Аппетит вернулся к нему, он быстро съел пару порций риса и спросил:

— Тогда почему ты сегодня был с теми людьми из столицы?

Остров Цянь янь — место крошечное, туризм здесь почти не развит, за весь год дай бог пара заезжих гостей объявится. Жители острова, и без того не жалующие чужаков, давно заметили группу преподавателей и студентов.

Слепец ответил со всей искренностью:

— Мы знакомы. Им очень нравится наш остров, они приехали сюда на практику. Я просто решил показать им окрестности, как закончат — уедут.

— Не волнуйся, я остаюсь, — пообещал он.

— Хорошо, — выдохнул Юань Юй.

Он бросил на Шуй Цюэ долгий, пристальный взгляд. Брат погиб. Его семья стала ещё меньше. Он должен во что бы то ни стало позаботиться о юноше, иначе тот тоже исчезнет.

Завтра воскресенье. Вспомнив о задании найти символичное здание, Шуй Цюэ решил осмотреться в округе. Для рыбацкого острова самое важное... наверное, порт?

— Ты завтра выходишь в море? — спросил он. — Я бы хотел сходить с тобой в гавань, погулять.

Парень, убиравший со стола, поднял голову. В его карих глазах вспыхнул огонёк — радость, сродни той, что испытывает ребёнок, получив заветную сладость.

— Угу. Выхожу.

Несмотря на внешнюю изнеженность, Шуй Цюэ был неприхотлив к быту. Привыкнув к новой постели, он спал на удивление крепко. Единственное — чувство незащищённости заставляло его каждый вечер плотно задергивать шторы.

За дверью тускло мерцала масляная лампа.

Внезапно из досок пола начали прорастать чернильные тени. У них не было видимого источника, но стоило им вытянуться во весь рост, как на ткани штор отразились массивные, похожие на корни отростки.

Тени взметнулись вверх, и комнату наполнил гул морского прибоя. Немецкая овчарка во дворе повела носом, почуяв неладное, но в то же мгновение её сознание окутал туман. Прикрыв глаза, собака повалилась на землю и уснула мертвецким сном.

Луна стояла высоко в небе. В тот краткий миг, когда облако закрыло её лик, в комнате послышался влажный хлюпающий звук — что-то тяжёлое волочилось по полу.

Гигантское головоногое существо бесшумно материализовалось прямо из половиц. Ни тела, ни головы не было видно — только чудовищные щупальца, которые продолжали раздуваться, пока чёрная тень не поглотила всё пространство комнаты. Видимо, осознав, что если оно продолжит расти, то просто проломит крышу дома, существо, немного помедлив, уменьшилось.

Шум прибоя был настолько реальным, будто кровать стояла на самом берегу во время ночного прилива. Шуй Цюэ спал беспокойно и внезапно перевернулся на другой бок.

На каждой конечности красовались сотни присосок. Они копошились на полу вокруг кровати, пока один из отростков не зацепился за край матраса и не пополз вверх. Там, где он касался циновки, оставался влажный извилистый след.

На лбу юноши выступил пот — сон явно был не из приятных. Он снова перевернулся, улегшись на спину. Изыщные брови нахмурились, веки мелко затрепетали — казалось, он попал в плен к ночному кошмару. Из-за беспокойных движений рубашка задралась, обнажая живот. В тусклом свете лампы кожа, выставленная на холодный воздух, казалась почти светящейся.

Кончик конечности, подобно рожку улитки, осторожно коснулся его кожи. Но, ощутив человеческое тепло, он тут же отпрянул, словно обжёгся о пламя.

Спустя некоторое время, убедившись, что человек не проснулся, щупальце снова показалось из тени. В шуме волн послышалось странное клокотанье. Громадная конечность, потоптавшись в нерешительности, бережно — насколько это было возможно — накрыла тёплый живот Шуй Цюэ.

По сравнению с этим существом тело юноши казалось совсем крошечным. Истинная форма этого создания могла раздуться до размеров современного океанского лайнера — ему хватило бы всего пары щупалец, чтобы утащить такое судно в бездну и раздавить в щепки. Ради этой встречи ему пришлось невероятно сжиматься, подстраиваясь под человеческое жилище, которое для него было не более чем игрушкой.

Боясь, что нежная кожа замёрзнет, плоть существа полностью укрыла живот юноши. Но оно забыло, что само было куда холоднее воздуха в комнате, да к тому же оставалось влажным и липким.

«Хлюп-хлюп».

От возбуждения присоски непроизвольно сокращались, издавая чавкающие звуки.

Холодно. Мокро. И щекотно.

Шуй Цюэ, даже не просыпаясь, инстинктивно отвесил отростку звонкую пощёчину.

Какая дерзость.

Получившая удар конечность уныло отползла назад.

— Бо... Бо... —

Звук напоминал шёпот волн, доносящийся с края вселенной, перемешанный с невнятным бормотанием. Существо отчаянно пыталось что-то сказать, но из него вырвались лишь звуки лопающихся рыбьих пузырей.

— Бо... Бо... —

Щупальца продолжали копошиться у кровати. Спустя долгое время прилив отступил. Влажные следы на полу исчезли, не оставив и следа от ночного гостя.

<http://bllate.org/book/15811/1435947>